

ЕКАТЕРИНА ЗДАНОВСКАЯ

уроки испанского

СВОБОДА НАЧИНАЕТСЯ С ПЕРВОГО ;NO!

Почти счастливые люди

Екатерина Здановская

Уроки испанского

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Здановская Е. В.

Уроки испанского / Е. В. Здановская — «Эксмо»,
2026 — (Почти счастливые люди)

ISBN 978-5-04-239252-8

Свое детство Стася провела в семье, которая всегда была источником боли, а не поддержки. Но однажды она решает все изменить и начать новую жизнь, пусть далекую, непривычную, но наконец-то свою. Жизнь, в которой ей предстоит научиться говорить «нет», доверять, строить отношения без страха и принимать любовь просто так. И именно в тот момент, когда ее мир наконец обретает устойчивость, отец, привыкший быть всемогущим, решает вмешаться снова и отправляется за океан, чтобы «навести порядок» в жизни взрослой дочери...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-239252-8

© Здановская Е. В., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Екатерина Здановская

Уроки испанского

© Здановская Е., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

«Уроки испанского» – книга для тех, кто вырос среди бесконечной критики и до сих пор учится слышать себя. Точная, честная и удивительно светлая история о том, как выстроить границы и наконец позволить себе быть счастливой.

АЛИСА ЦЫГАНКОВА,

редактор

Часть 1

Ellos son

1

С первого раза подключиться, конечно, не получилось. Сначала ссылка не открывалась, потом не было ни видео, ни звука, затем только звук, но без видео. Наконец, с четвертой попытки все заработало, и перед порядком раздраженным техническими неполадками Дмитрием Михайловичем появилось четкое изображение смуглой молодой женщины лет тридцати пяти. Она ободряюще ему улыбнулась с монитора ноутбука и с заметным акцентом поздоровалась по-русски:

– Добрый день, как дила? Можно вас буду назвать Дмитрий?

– Си, то есть да. Можно и Дмитрием, – благодушно согласился Дмитрий Михайлович. Ему даже была приятна эта фамильярность от симпатичной иностранки, годящейся ему в дочери.

– Буено, Дмитрий, ви знаете испанский на какой уровень? – поинтересовалась преподавательница.

– Наверное, на начальном? – неуверенно предположил пожилой ученик. – Знаю «си», «но»... «Но пасаран» знаю! – выпалил Дмитрий Михайлович.

Испанка весело рассмеялась:

– Бьен, бьен! – и все-таки предложила начать с изучения алфавита. Дмитрию Михайловичу ее идея, конечно, не понравилась. Он считал себя обладателем редкого ума, мгновенно схватывающим на лету все новое, и почему-то был уверен, что имеет склонность к изучению языков, хотя, кроме родного, ни одного так и не выучил за все семьдесят лет своей жизни. И если бы не широкая белозубая улыбка учительницы, не ее веселые карие глаза и кудрявые локоны-пружинки, едва доходящие до плеч, Дмитрий Михайлович бросил бы с ней заниматься и нашел бы другого носителя испанского языка. Так он уже делал и не один раз: брал бесплатный пробный урок, после которого больше не объявлялся – все время что-то его не устраивало, мешало, не нравилось. А эта, Алехандра, вроде ничего. Понятно, что все преподаватели более или менее одинаковые, всем нужны только его деньги, но эта хотя бы старалась: мягко поправляла, относилась уважительно, даже как-то бережно, но без откровенного подхалимства. Лесть Дмитрий Михайлович любил, а кто ж ее не любит, но вот подхалимства не выносил.

Бесплатные полчаса пронеслись незаметно. Он и сам не понял, как так вышло.

– Дмитрий, я благодарить тебя за урок. Надеюсь, что ми увидимся еще. Que tengas buen día! Hasta luego², – попрощалась Алехандра и отключилась.

Некоторое время Дмитрий Михайлович еще сидел перед потемневшим окном видеосвязи и сам себе удивлялся: давно он не чувствовал такой прилив сил, такую ясность ума, такое желание продолжать учебу дальше. Хотя, казалось бы, что полезного они делали целых тридцать минут? Читали буквы! Полный бред, он же способен на большее, уже готов складывать фразы, задавать вопросы и отвечать на них же. Где аудирование? Где постановка произношения? И все-таки он был доволен. Поэтому открыл страницу Алехандры на сайте для изучения испанского языка и забронировал себе следующее занятие сразу же на завтра. Ввел данные карты, тут же на телефон пришло уведомление о списании: минус две тысячи со счета. Дмитрий Михайлович по-стариковски кашлянул, неловко встал со стула – совсем засиделся – и прошлепал на небольшую кухню.

¹ Они есть.

² Хорошего дня! До свидания (*исп.*).

На кухне, спиной к двери, у плиты стояла пожилая сутулая женщина в выцветшем оранжевом спортивном костюме. Когда Дмитрий Михайлович сел за стол, Ирина Васильевна как раз снимала с конфорки закипевший чайник. Все так же не поворачиваясь, она разлила кипяток по заранее приготовленным чашкам и добавила заварки из маленького фарфорового чайника:

– Отзанимался, студент? – с легкой ехидцей в голосе спросила она.

– Да, завтра еще буду.

– Опять с новым? – Жена наконец повернулась и поставила дымящиеся чашки с черным чаем на стол. – Может, пора уже перестать ерундой страдать? Ну какой испанский в нашем возрасте?

Напоминания о возрасте, о старости, о неизбежной скоротечности времени раздражали Дмитрия Михайловича. Сам он считал себя еще вполне молодым, таким живчиком, да и все знакомые ему говорили (искренне, он был в этом уверен, какая выгода им врать), что он выглядит гораздо моложе своих лет – на пятьдесят пять максимум, а не на те семьдесят, которые были прописаны в документах.

Дмитрий Михайлович брезгливо посмотрел на жену – вот она точно выглядела на свои почтенные года: обрюзгшая, поплывшая лицом, как свечной огарок, с плохой, прямо-таки по-мужски короткой стрижкой, с сединой, которую лениво перестала закрасивать несколько лет назад, в этом нелепом застиранном костюме... Сколько его мечтаний обломала эта женщина! Сколько его порывов погубила! На все у нее находился один и тот же ответ: «Нам уже сорок, жизнь дошла до середины! Нам уже пятьдесят, мы для этого старые! Нам уже шестьдесят, не позорься! Нам уже семьдесят, зачем нам это?» Ничего-то она не хотела, ничего ей не было интересно, кроме бесконечных глупых сериалов и дачного участка. И его она пыталась затащить в такую же глупую и бесконечную реальность, где из ярких событий – только походы по продуктовым и строительным магазинам да поездки на первых электричках в сторону области.

Дмитрий Михайлович отхлебнул чаю и скривился: без сахара. Жена, прожив с ним сорок лет в браке, понимала мимику мужа без лишних слов:

– Пора переходить на несладкий в нашем-то возрасте! А то будет диабет, как у твоей матери.

– Да что ты заладила! – вскипел, как недавно чайник, Дмитрий Михайлович. – «В нашем возрасте!», «Старые мы!». Это ты старая! Ты! А я еще нет, я молодой!

Он схватил сахарницу и демонстративно всыпал четыре ложки с горкой в свою чашку. Пока он мешал ставшим приторно сладким чай, жена, поджав сухие, тонкие, почти бесцветные губы, качала головой, потом она взяла кружку и направилась к выходу из кухни. Дмитрий Михайлович успел с облегчением подумать: «Ну вали-вали, хоть чаю спокойно попью». Но его жена не была бы его женой, если бы не оставила последнее слово за собой:

– Ну-ну, молодой ты наш, потом ко мне не приползай, когда все болеть будет. Сам со своими болячками разбирайся, понял? И вообще, этот твой испанский – время и деньги на ветер! Лучше бы чем-то полезным занялся. Кого ты впечатлить хочешь? Ее, что ли? Да плевать она на нас хотела, и на тебя, и на твой испанский в частности.

Жена резко развернулась и шустро засемила по коридору в свою комнату, будто боялась, что муж успеет ей что-то ответить, и тогда придется продолжить ссору, говорить что-то еще, обязательно обидное и едкое. Но Дмитрий Михайлович не собирался ей что-то отвечать. Он пил противный сладкий чай в драгоценном одиночестве и предвкушал завтрашний урок с Александрой. Уж завтра-то он точно продвинется дальше алфавита, завтра он покажет свои способности к языкам, а через месяц, может, уже и заговорит. Испанский-то, в сущности, довольно простой язык, это не какой-нибудь финский и не суахили, хотя и с ними он бы справился.

Второй урок действительно прошел гораздо интереснее. И видеосвязь удалось настроить с первого раза, и на повестке дня стояли глаголы.

– Yo soy, Дмитрий, – повторял он раз за разом, – yo estoy en mi casa³.

Александра все так же очаровательно улыбалась и кивала ему через тысячи километров из Мадрида.

– Muу bien!⁴ – хвалила она Дмитрия Михайловича. Это было приятно. Да так, что он решился спросить под конец занятия:

– А что же, за два месяца я смогу выучить испанский?

– За два месяца? – озадаченно переспросила Александра.

– Си, – подтвердил свое желание он, – чего тут, в принципе, учить-то.

Преподавательница мягко улыбнулась:

– Ми только начать, Дмитрий. Еще долгий работа впереди: сложное и интересное.

– Да мне языки легко даются. У меня способности. Это же, наверное, и вы заметили?

– Ти очень стараться, – продолжала улыбаться Александра, – а зачем тебе испанский скоро?

Дмитрий Михайлович замялся, он и не хотел откровенничать с испанкой, и в то же время хотел хоть с кем-то поделиться своими планами, не с женой же, в самом деле. Та, разумеется, не поймет, куда ей, этой домашней курице. А Александра – другое дело, она-то наверняка не сидит на месте, много где была. По крайней мере, в Европе. Европа же по сути – лишь маленькая часть планеты, там все рядом, что Мадрид, что Париж. Дмитрий Михайлович вдруг осознал, что именно Александре и стоит рассказать о своих планах, а заодно и произвести на нее впечатление. Пусть не думает, что перед ней очередной скучающий пенсионер. Он, в первую очередь, интересная личность!

– Хочу поехать в Эквадор! – выпалил Дмитрий Михайлович и стал с легким волнением ожидать ответной реакции от преподавательницы.

Та подняла брови от удивления, и он удовлетворенно подумал, что эффект произвести удалось.

– Вау! Как интересно! Я думать, что ти едешь в Испания. Обычно русские ехать в Барселона, – сказала Александра. – Эквадор очень интересно. Очень далеко и очень интересно.

– Барселоной уже никого не удивишь, – брякнул Дмитрий Михайлович, хотя никогда не был в Каталонии, не имел шенгенской визы и невольно повторил слова своей жены, которая тоже никогда не выезжала дальше возможностей пригородной электрички, но была убеждена, что никаким европейским городом сейчас уже никого не удивишь. А если так, то зачем тратить деньги на визы, авиабилеты и отели?

Александра не совсем поняла смысл его слов: кого нужно было удивлять и, главное, зачем? Но со свойственной ей тактичностью сделала вид, будто разделяет мнение Дмитрия Михайловича.

Когда урок окончился, он снова забронировал себе занятие. На этот раз – через несколько дней. Нужно было успеть выполнить домашнюю работу, хотя Дмитрий Михайлович и не сомневался, что справится с нею на раз-два.

А потом, находясь в каком-то странном возбужденном состоянии, он открыл сайт авиакомпании и вбил в поиск запрос: Москва – Кито. Туда-обратно. Над датами пришлось поломать голову, но все-таки остановился на феврале, то есть ровно через два месяца. Как раз успеет выучить весь испанский. Сайт некоторое время «думал», но потом выдал итоговую стоимость билетов. Выходила приличная сумма. Дмитрий Михайлович подумал, что на такие деньги вполне можно построить на участке новую баню. Подумал – и тут же себя одернул. Вот

³ Я, Дмитрий, я дома (*исп.*).

⁴ Очень хорошо! (*исп.*)

проклятье, и как жена смогла так плотно забраться к нему в голову?! Он уже и говорит ее фразочками, и думает как она! Нет уж! Хрен тебе, а не новая баня. Решено! Лечу в Эквадор.

Дмитрий Михайлович достал из ящика письменного стола потертый кожаный бумажник, вынул дебетовую карту, ввел на сайте необходимые данные, и только перед нажатием на кнопку оплаты его указательный палец слегка дрогнул. Закралось трусливое сомнение: а надо ли ему это? А сможет ли он? Все-таки лететь в такую даль, да еще одному? А как сообщить о таких тратах жене? Что она скажет? Ведь опять устроит скандал. От этой мысли Дмитрий Михайлович резко выпрямился и решительным жестом хлопнул по кнопке «Оплатить». На экране высветилось подтверждение покупки, а на телефон пришло сообщение о списании средств. Он откинулся на спинку стула и почувствовал невероятную усталость, будто он был сапером и весь день только и делал, что обезвреживал бомбу – какой провод резать: красный или синий? И вот выбор сделан, провод отрезан, и взрыва не случилось. Но радости Дмитрий Михайлович почему-то не ощутил. Наоборот, в душе заворочались давно забытая тревога, беспокойные мысли, которые много лет не посещали его не обремененную заботами голову, начали сновать туда-сюда: а как лететь? А где там жить? А что с собой взять? А как сказать... А как ее там отыскать?

Дмитрий Михайлович взглянул на экран мобильного, где в непрочитанных сообщениях еще висело пуш-уведомление о покупке билетов: дело было сделано. Чтобы как-то поднять себе настроение, он подумал, как на следующем занятии расскажет Александре о том, что купил билеты, значит, точно летит в Эквадор. Подумал, как впечатлят молодую испанку его слова, как она опять подарит ему широкую улыбку, как будет им восхищаться. Думать об этом было приятно. В ее глазах наверняка он станет героем, а если даже не героем (все-таки громкое слово), то точно выделится из череды однообразных и банальных учеников, изучающих испанский, чтобы пить сангрию на пляжах Коста-Бравы. Дмитрий Михайлович воспрял духом, с трудом поднялся со стула – снова засиделся, – услышал, как предательски хрустнули коленные суставы, и стариковской «утиной» походкой вышел из комнаты.

Чем ближе он подходил к кухне, тем больше чувствовал неприятное волнение в области груди. Он слышал, как жена ворочает кастрюлями и гремит тарелками, и буквально физически ощущал ее скверное настроение. Впрочем, в другом она почти никогда и не бывала. Дмитрий Михайлович привык думать, что в семье, разумеется, главным был он. Он зарабатывал деньги, он мог высказывать свое мнение по любому поводу, и жене приходилось к нему прислушиваться. Он мог прикрикнуть, стукнуть по столу кулаком, а иногда, ну да, бывало, и приструнить жену как словами, так и действиями. И все-таки, невзирая на все это, он испытывал страх. Да, Дмитрий Михайлович боялся своей жены, и мысль об этом была ему противна, будто в дверную скважину он увидел нечто постыдное, даже противоестественное, но все равно продолжал наблюдать.

Когда он оказался на кухне и, как обычно, сел на свое место за столом, от его решимости рассказать жене о покупке билетов в Эквадор не осталось и следа. Дмитрий Михайлович струсил. Он знал, что его ждет невиданный до этих пор скандал, безобразная ссора, и испугался. Решил отложить разговор до того момента, когда скрывать поездку станет невозможно. За неделю? За день? Неважно, он подумает об этом после. А пока... Пока можно с притворно расслабленным видом пить чай.

– Ну что? Опять новый учитель? – со вздохом спросила жена, ставя на стол дымящиеся чашки с чаем. – Когда уже тебе это надоест?

– Почему новый? Я уже второе занятие с одним и тем же занимаюсь, и дальше буду, – важно процедил Дмитрий Михайлович, шумно отхлебывая горячий чай.

Жена удивленно подняла заросшие, неухоженные брови:

– Да неужели? – Потом внимательно посмотрела на мужа и ухмыльнулась. – Небось молоденькая студенточка? Чем она тебя приворожила? В декольте сидела? Тебе, старому хрычу, лыбилась? А ты и размок. Уже готов деньги нести.

– Никакая она не студентка, – взвился Дмитрий Михайлович. – Алехандра – профессиональный педагог!

– Алехандра! – передразнила его жена. – Ну-ну, давай, переводи деньги этой Сашке-испашке, а толку-то все равно нуль! Знаешь пословицу: старую собаку новым трюкам не учат? Вот и тебе все это бесполезно. Бесполезно уже в нашем возрасте языки какие-то учить, пора к земельке поближе держаться. Цветочки сажать!

– Заткнись, – сквозь зубы сказал Дмитрий Михайлович. Но жена, не почуввав его опасного настроения, не могла успокоиться:

– Ты думаешь, ты ей нужен? У нее таких старых дураков десять человек в день. Эта твоя Сашка-испашка тебе правды никогда не скажет. А я тебе скажу! Все это без толку! Хватит уже этой ерундой заниматься, вот лучше бы краску поехали купили на дачу. У нас перила на задней лестнице прогнили. По весне красить надо. А ты целыми днями за компьютером штаны просиживаешь! Про Эквадор читаешь чушь всякую. Никто тебя в этом Эквадоре не ждет, и никогда ты туда не поедешь! А раз так, то и испанский тебе не нужен. Другое хобби себе найди, понял?

Дмитрий Михайлович схватил чашку с недопитым чаем и кинул ее в жену. Он мог бы попасть ей в голову – расстояние было слишком маленьким, чтобы промазать, но нарочно отклонился на несколько сантиметров. Чашка пролетела мимо, ударилась о кухонный шкафчик, оставив на нем глубокую отметину, и разлетелась на несколько крупных осколков. Жена заверещала, но Дмитрий Михайлович ее не слушал, он медленно встал из-за стола и ледяным тоном произнес:

– Я лечу в Эквадор в феврале. Билеты куплены.

Остаток вечера он провел в своей комнате, в тысячный раз перечитывая статьи про ту самую банановую республику, куда намеревался лететь через два месяца. Дмитрий Михайлович слышал, как жена, чертыхаясь, прибирала за ним бардак на кухне, как потом звонила подругам и нарочито громко обсуждала с ними его поведение:

– Слышь, Лен, чего мой-то старый черт учудил! Да, поругались опять. Никак не угомонится! Уже почти восемьдесят (жена всегда преувеличивала его возраст), одной ногой в могиле, а все никак не успокоится. Да, ужас! Нашел в интернете какую-то проститутку, якобы учительницу испанского. Ну, она его и разводит на деньги. Не знаю, Лен! Не знаю! Ну какая полиция? Он же сам добровольно ей деньги переводит, а та типа «преподает» ему. А что там на самом деле, кто знает? Сейчас же есть эти, как его, вебкамерницы? Ну, проститутки по интернету. Что, не слышала? Ну ты даешь, Лен! Ты чего, телевизор не смотришь? Эти вебкамерницы сидят в интернете и показывают то самое, а такие идиоты, как мой, платят им деньги. Лен, ну ты голову-то включи, что девки могут мужикам показывать? Да, это и показывают. Вот так-то!

В словах жены не было ни единого слова правды, но ей нравилось унижать Дмитрия Михайловича, сочинять про него непристойные небылицы, позорить перед подругами. Это доставляло Ирине Васильевне прямо-таки наслаждение. Все ей, конечно же, сочувствовали, говорили приятные слова, жалели. А она, повторив свою версию событий в четвертый или пятый раз, уже и сама начинала верить, что ее мужа охмутила какая-то мошенница-проститутка. В это было поверить проще, чем в то, что он действительно учит испанский и на самом деле собирается лететь на другое полушарие.

Дмитрий Михайлович, чтобы заглушить бредовые вымыслы жены, включил радио и сделал звук погромче. Странно, но оскорбления в сторону Алехандры он воспринял болезненно. Никакая она не проститутка и уж точно не заслуживает такого потока брани в свой адрес!

Дмитрий Михайлович даже хотел выбежать из комнаты и накричать на жену, но по опыту знал – будет только хуже. Жена поймет, что Алехандра действительно что-то значит для него, и тогда начнется настоящая травля. Надо перетерпеть, и все утихнет.

На следующее утро Ирина Васильевна, как бы между делом, жаря яичницу и накрывая на стол, делано безразличным голосом спросила у мужа:

– А ты что, правда купил билеты в Эквадор?

– Правда, – подтвердил Дмитрий Михайлович, и сердце его бешено забилося: вот оно, вот сейчас начнется.

Жена слегка посолила шипящие яйца и все тем же ровным тоном сказала:

– Надо их сдать и деньги вернуть.

– Не буду я их сдавать! – заупрямился муж.

Ирина Васильевна повернулась наконец к нему лицом и продолжила:

– Здесь даже не в деньгах дело. Ты подумал, как ты туда полетишь? На такое расстояние? А если с тобой что-нибудь случится? А если тромб какой-нибудь оторвется? И что мне тогда делать? Как тебя оттуда вывозить? Или ты думаешь, что *она* будет о тебе заботиться и навещать в больнице? Или она тебя там встретит с распростертыми объятиями? Да ты даже адреса ее не знаешь! Все эти фантазии далеко тебя завели. Ладно еще учить испанский. Ну, можно себе представить. Говорят, даже полезно для старых мозгов. Но лететь черт знает куда? Ты совсем из ума выжил?

Дмитрий Михайлович вскочил из-за стола – да что эта бабка себе позволяет?! Эх, будь он моложе, придушил бы ее на месте одной рукой, как едва не случилось много лет назад на этой самой кухне! Но теперь и силы были уже не те, и страх предательски ворочался в душе каждый раз, когда злоба почти затмевала сознание. В тюрьму на старости лет, хоть он и упрямо продолжал считать себя молодым, совсем не хотелось.

– Да сядь ты, – презрительно бросила жена. Она чувствовала, что муж ее стал труслив, ослаб, и больше его не боялась. Больше она не позволит мутузить себя на кухне, не позволит его кулакам оставлять синяки и кровоподтеки. Пришло наконец ее время. И пусть на это понадобилось долгих сорок лет, но время теперь – ее. – Сядь, – повторила Ирина Васильевна со злой усмешкой, – завтрак готов.

И Дмитрий Михайлович послушно, как ребенок, сел и молча съел приготовленную женой почти безвкусную яичницу. Да, готовить она никогда не умела.

Впрочем, билеты он так и не сдал. А жена больше не поднимала эту тему, уверенная в том, что муж не посмеет ее ослушаться.

За пять минут до урока испанского Ирина Васильевна ворвалась в комнату мужа и удивленно спросила:

– А ты чего это тут?

– Закрой дверь, – зло ответил он, – у меня занятие.

– Какое еще занятие?! – Она сделала вид, что впервые слышит об этом. – Мы же в магазин собирались за продуктами.

– Это ты собиралась. А у меня урок.

– Знаю я эти твои уроки, ну-ну, – прошипела жена и хлопнула дверью.

Она побежала по коридору к стационарному телефону и подняла трубку, думала, что так сможет сбить интернет-соединение. Когда-то давно, много-много лет назад, этот трюк срабатывал безукоризненно. Соединение прерывалось, интернет вырубался. Но теперь, спустя столько времени, все ее ухищрения оказались бесполезными. Интернет больше не зависел от телефонной связи. Ирина Васильевна подумала, не отключить ли тогда свет во всей квартире – это она умела и знала, что тогда точно сорвет урок. Она уже вышла на лестничную клетку, открыла

щиток и почти была готова нажать, но в последний момент передумала. Черт с ним! Пусть платит этой проститутке, этой Сашке-испашке. Скоро ему это надоест, ему всегда все быстро надоест – уж она-то эта знала прекрасно.

Ирина Васильевна надела старенькую куртку, шерстяную беретку невнятного серо-бежевого оттенка, невыгодно подчеркивающего нездоровый цвет ее лица и глубокие морщины, обула разношенные сапоги, схватила сумку, с которой всегда ходила по магазинам, и вышла за порог квартиры. Обида, словно соляная кислота, разъедала сердце и душу. За что он так с ней? Разве она заслужила такое обращение? Сорок лет брака, а что хорошего она видела? Бесконечные ссоры, упреки, а порой и рукоприкладство. Почему она не живет так, как показывают во всех этих сахарных фильмах и романтических сериалах? Где ее бриллианты, норковые шубы и отпуска на Лазурном Берегу? Да хотя бы простое уважение со стороны мужчины, которому она отдала лучшие годы своей жизни? Она знала: муж ее ненавидит. Да и она давно ничего, кроме ненависти и презрения, к нему не чувствовала.

Ирина Васильевна проглотила едва наметившиеся слезы, кое-как остановила подступившую было к горлу истерику и толкнула дверь продуктового магазина. И, несмотря на то, что на ее банковском счету лежала приличная сумма – она и муж были людьми далеко не бедными, – Ирина Васильевна первым делом прошла в отдел с уцененкой, где лежали продукты с истекающим сроком годности. Деньги тратить она не любила, даже на себя, предпочитая есть почти просрочку, но при этом с упоением любовалась суммой со множеством нулей в своем банковском приложении. Пока Ирина Васильевна принималась к подозрительно скользким пачкам творога, беспокойные мысли ее снова вернулись к мужу и его преступной расточительности. Как он посмел купить билеты?! Как посмел даже не посоветоваться с ней?! А теперь еще переводит деньги этой соплячке, этой вебкамернице Сашке-испашке! Пока она с таким трудом, с таким почти унижением добывает для них пропитание.

Но вскоре обида улетучилась, и злоба легко заняла ее место. Ничего, она еще ему покажет, кто теперь главный в их доме. Он еще попляшет. И попляшет, и поплачет. Ирина Васильевна мрачно улыбнулась сама себе и спросила у проходящего мимо сотрудника супермаркета:

– Молодой человек, извините, а яйца битые есть со скидкой?

В этот раз урок испанского проходил тяжело. Дмитрий Михайлович никак не мог сосредоточиться и постоянно отвлекался на собственные мысли.

– Yo soy, tú eres, usted es⁵, – в который раз повторяла ему Алехандра, но он никак не мог запомнить кто кому эрес, а кто кому эс. В конце концов, порядком утомившись, Дмитрий Михайлович выпалил:

– А я купил билеты в Эквадор.

– Que bueno! Как хорошо, – улыбнулась преподавательница. – Когда путешествие?

– В феврале. До февраля я должен выучить испанский, – то ли пошутил, то ли сказал серьезно Дмитрий Михайлович.

– Тогда надо работать много.

– Да, но мы все стоим на месте. Пора уже переходить к сложным темам, – заявил ученик.

– Paso a paso⁶, – сказала Алехандра, но Дмитрий Михайлович ее не понял, – без простого нельзя к сложному, – объяснила она, – надо идти шаг за шаг.

– Это я знаю. Но все эти сой, эрес – мне ни к чему. Давайте, например, выучим, как заказать такси. Или, например, номер в отеле. Мне нужны практические знания.

⁵ Формы глагола «быть» на «я», «ты», «он/она/Вы».

⁶ Шаг за шагом (*исп.*).

– Хорошо, – покорно согласилась Алехандра, хотя было заметно, что ей не по душе такая настойчивость Дмитрия Михайловича, – это можно. Я подготовить слова про такси и отель. А почему вы выбрали Эквадор?

Дмитрий Михайлович ждал, даже жаждал этого вопроса, но правду, разумеется, говорить не собирался. Он заранее придумал «прилизанный» ответ:

– Всегда мечтал побывать на экваторе, хочу посетить нулевую широту.

– Как интересно! – восхитилась Алехандра. – Но два месяца это мало. Надо много, много работать.

– Будем работать, – неловко рассмеялся Дмитрий Михайлович, он-то был в себе уверен, а вот Алехандра его будто бы тормозила, не давала совершить рывок, не давала столько знаний, сколько ему было необходимо, чтобы в короткие сроки освоить испанский. Но нового учителя он искать не собирался. Ему было комфортно с ней и легко, а еще, конечно же, нравилось видеть в ее больших, почти черных глазах восхищение собственной персоной.

Перед отключением Алехандра пообещала прислать ему много домашней работы, и Дмитрий Михайлович с воодушевлением ожидал от нее письма на электронную почту. Он был готов целыми днями заниматься: выполнять упражнения, читать и писать, спрягать глаголы. Лишь бы выучить этот чертов испанский язык.

Истинную причину поездки Дмитрий Михайлович не стал бы озвучивать Алехандре даже перед лицом смерти. Этим тайным знанием обладала, помимо него, только жена. Как поразительно печальна бывает судьба – самые ненавистные люди одновременно становятся и самыми близкими, и ничего поделать с этим уже нельзя, поздно.

В Эквадоре жила единственная дочь Дмитрия Михайловича и Ирины Васильевны, Стася. Она переехала туда три года назад, о чем родители случайно узнали недавно. Тогда-то у Дмитрия Михайловича и зародилась лихая мысль выучить испанский, чтобы затем приехать к Стасе в Эквадор, чтобы... Он и сам не знал, чтобы что. Вернее, причин-то было много: поговорить со Стаськой, образумить ее, сорокалетнюю идиотку (той на самом деле еще не было сорока, но Дмитрий Михайлович и тут перенял манеру своей жены – приписывать лишние годы), призвать к ответу, совести и чему там еще – ага, дочернему долгу. Но главное... Главное витало где-то в глубине разума и души Дмитрия Михайловича, такое неуловимое и эфемерное, что он сам не мог выхватить и сформулировать, как полагается, в доступной для понимания форме. Чего-то он хотел от дочери, чего-то добивался, а чего... Надеялся, что это придет само, когда они встретятся в Эквадоре и смогут наконец проговорить вслух. Обязательно на испанском.

Отношения с дочерью не складывались у Дмитрия Михайловича с самых ее ранних лет. А у Ирины Васильевны – так и вовсе с утробного периода. Ожидала она только мальчика и даже подумать не могла, что родится у нее дочь. Только сын! Она видела себя мамой бойкого мальчонки, красивого, как ангел с дореволюционных открыток, здорового и умного. Этому сыну, ее ангелочку, суждено было носить восхитительное имя Станислав, учиться на отлично, поступить в кадеты, быть высоким, добрым и главное – бесконечно любить свою маму. Ирина Васильевна нуждалась в мужской любви. Она выросла без отца и, едва справив совершеннолетие, безрассудно выскочила замуж за своего одноклассника, а затем так же молниеносно и развелась. Потом промелькнула череда романов, да все неудачных: то с женатыми, то с разведенцами с обременением в виде пожилых авторитарных матерей, или сопливых проблемных детей, или тех и других одновременно. Пока на свадьбе у подруги не встретились два одиночества – она и Дмитрий Михайлович. Обоим уж было под тридцать, не время перебирать жемчуг, а время соглашаться на кирпич – надежный и стабильный. Таким ей виделся Дмитрий. Конечно, было странно, что никакая дамочка не успела отвести в ЗАГС ее суженого хотя бы единожды, но Ирина гнала от себя дурные мысли. Надежный, стабильный Дмитрий Михайлович к тридцати

имел квартиру, работу, не пил, не курил и был готов вступить в matrimониальные отношения. Ирине Васильевне казалось, что ей повезло, что она вытасила счастливый билет и на ее улицу наконец нагрянул праздник. Однако что-то все-таки вызывало тревогу: Дмитрий Михайлович совершенно не выказывал положительных эмоций. Да, он мог злиться, расстраиваться, негодовать, но никогда Ирина не видела его радостным, счастливым или восторженным. Иногда он улыбался, но глаза его при этом оставались безучастными – просто губы растягивались, а уголки их приподнимались, – словно Дмитрий Михайлович выполнял хорошо разученное упражнение. За неделю до даты росписи Ирина поделилась своими подозрениями с матерью:

– Он будто робот!

– Господи, Ира! А зачем тебе эти страсти мексиканские? Хороший парень, работающий, в рот ни капли не берет. Чего еще тебе надо? А смеяться с подружками будешь. Муж, он не для смеху нужен, а чтобы денег зарабатывал и детей от него рожать.

Ирина Васильевна решила прислушаться к ее словам и подумала, что в конце концов сможет «расшевелить» ледяное сердце будущего мужа. Научит его чувствовать положительные эмоции и согреет, со временем сделает из него нормального человека. Конечно же, она заблуждалась. С годами, проведенными рядом с Дмитрием Михайловичем, она сама превратилась в подобие робота, окончательно разучившись радоваться и быть счастливой.

Дмитрий Михайлович всегда знал, что с ним что-то не так. Еще в школе он понял, что ему не дано испытывать то, что чувствуют другие ребята. Не может он беззаботно смеяться над шутками, радоваться погожему дню и победе футбольного клуба, не способен сопереживать боли одноклассника, который сломал на физкультуре руку. Его отец погиб в дорожной аварии, когда мать была еще беременна Дмитрием, а после она так и не вышла замуж, проведя всю жизнь в бесконечных попытках заработать деньги. Радость и счастье никогда не приходили в их дом. Даже если дела шли неплохо, мать всегда говорила: «Рано радоваться, беда впереди». И беда обязательно случалась, поэтому Дмитрий радоваться боялся. А потом эти светлые чувства будто бы атрофировались, как мышцы, которыми не пользуется лежачий больной. Так и Дмитрий Михайлович провалился в безэмоциональную бездну. Но он инстинктивно знал, что это не нормально. Поэтому, чтобы не вызвать лишние подозрения у окружающих, он пытался имитировать обыденную жизнь: учился, работал, изображал улыбку, натренировал смех, вызубрил пару фраз, которые частенько его выручали в обществе, вроде «Мне очень жаль», «Я вам сочувствую» или «Какая радость! Примите мои поздравления». Только с девушками у него не получалось. Нет, он был симпатичным мужчиной, без физических изъянов и пагубных привычек, женщины засматривались на него и иногда даже первыми шли на контакт. Но отношения обрывались довольно быстро – они тоже чувствовали, что с ним что-то не то, что смеется он натужно, что не бывает счастливым, что за голубыми глазами скрывалась черная душа. Ни одна из них не захотела провести жизнь рядом с таким холодным человеком, пока не появилась в жизни Дмитрия Ирина. На ее месте могла быть любая. Но раз Ирина, значит, Ирина. Ему важно было состояться как мужу и отцу – этого требовало общество, этого требовала нормальная повседневность. Поэтому, пока Ирина пыталась разгадать загадку личности Дмитрия, он быстро сделал ей предложение. Мать Ирины дала добро и обеспечила полную поддержку этого скоропалительного и опрометчивого решения, и Ирине уже было не сорваться с крючка. Они расписались, а через три месяца Ирина узнала, что ждет ребенка.

Дмитрий Михайлович на известие отреагировал с облегчением: ну вот, миссия выполнена. Все у него, как у всех обычных людей: жена, ребенок. Можно расслабиться. И он расслабился, хотя бы дома ведь мог себе позволить! Перестал прятаться за маской и заученной мимикой, стал все больше покрикивать на жену, говорить ей неприятные вещи, а иногда и вовсе оскорблять. Ирина чувствовала себя в ловушке, лисой, которую загнали охотничьи собаки,

и теперь оставалось только отбредаться и обороняться. А куда деваться? Возвращаться к матери, да еще с пузом? А так хоть квартира есть, да и денег было в достатке. Что-то, а зарабатывать ее муж умел. Вот и надеялась Ирина Васильевна, что родится у нее мальчик Станислав – ее защитник, надежда и опора. Прекрасный сын, который будет любить ее беззаветно, радовать и выручать. Вдвоем они смогут противостоять ледяной злобе Дмитрия Михайловича, будут жить в своем мирке, смеяться над шутками из «Смехопанорамы» и лепить пельмени по воскресеньям.

Но мечтам Ирины Васильевны было не суждено сбыться. Родилась у нее дочь, которую пришлось назвать Станиславой в честь так и не родившегося прекрасного сына. Горе матери было так велико, что она первые дни в роддоме не могла осознать появление дочери.

– Но ведь я ждала мальчика, – жаловалась она медсестрам и другим роженицам. Одни ей сочувствовали, другие пожимали плечами.

– Ну девочка и девочка, – сказала ей одна санитарка, – в следующий раз придешь за пацаном.

Но Ирина знала, что следующего раза не будет. Она не хотела снова так рисковать, а вдруг и второй ребенок окажется девочкой? Двух она не выдержит. С этой-то как-то надо теперь жить.

Маленькая Станислава росла тихим, незаметным ребенком, словно извинялась за то, что не родилась мальчиком. Лежала себе неприметно в кроватке и лишнего раз не хотела напоминать о своем присутствии. Брала грудь аккуратно, будто боясь причинить неудобство матери. А та, конечно, все равно была недовольна. Она не то что петь колыбельные, она смотреть не могла на дочь.

Дмитрий Михайлович же до трехлетия Стаси и вовсе не обращал на нее никакого внимания. Да, есть дочь. Есть и есть. Ползает там себе, чего-то пищит иногда – это была зона ответственности жены. Пока однажды не произошло поистине роковое событие в жизни маленькой Стаси, которое перевернуло все ее детство и юность, а скорее всего, и всю жизнь. Впрочем, если бы это не случилось тогда, то обязательно произошло бы позже – через месяц или полгода, это уже было неважно. В таких семьях у таких родителей это непременно происходит с детьми, рано или поздно.

Как-то вечером трехлетняя Стася очень захотела, чтобы папа почитал ей детскую книжку. Она уже вступила в тот возраст, когда могла немного капризничать, говорить «нет», отказываться от невкусной, по ее мнению, еды и требовала все больше внимания от взрослых. И не просто внимания, а общения. Дмитрий Михайлович в тот день пришел, как обычно, с работы и, как обычно, после ужина уселся в кресло читать газету, отгородившись от остального мира тонкой бумагой с отпечатанными на ней типографскими буквами. За весь вечер он едва ли тремя словами перекинулся с женой, а на дочь и вовсе не бросил взгляда. А Стасе так хотелось с ним общаться! Она подошла к отцу и сначала робко позвала его:

– Папа!

Дмитрий Михайлович прекрасно ее слышал, но предпочел сделать вид, что его постигла внезапная и абсолютная глухота. «Позовет и успокоится», – подумал он. Но Стася не отступала. Она еще какое-то время звала отца, который сидел перед ней же в кресле, так и не удосужившись отложить газету в сторону. Потом девочка подошла к отцу уже сбоку и подбросила ему на колени свою книжку:

– Папа, почитай!

Тут все и случилось. Дмитрия Михайловича заполонила такая черная злость, что он почти не отдавал себе отчета в действиях. Нет, тоненький голосок внутри его головы слабо

предупреждал, что так делать нельзя, но Дмитрий Михайлович к нему не прислушался. Он быстро скрутил газету в рулон и взял ее в правую руку, а левой рукой схватил за худенькое плечико дочь, развернул ее к себе спиной и несколько раз отшлепал свернутой газетой по попе, повторяя при этом:

– Хватит меня доставать, засранка!

Обескураженная его действиями Стася даже не сопротивлялась. Так с ней обращались впервые в жизни. Да, она не чувствовала боли – газетой больно ударить было невозможно, как ее отец ни старался, но сильная обида и чувство несправедливости захлестнули девочку. Когда отец ее отпустил и скинул с колен, как ненужный мусор, детскую книжку, Стася в слезах выбежала из комнаты, нашла мать на кухне и рухнула к той на колени. Ирина Васильевна, конечно, поняла, что случилось что-то плохое, раньше она никогда не видела, чтобы дочь так рыдала – взхлеб – и даже не могла толком сказать, в чем дело. Но разбираться не хотелось, ведь это означало идти на конфликт с мужем, устраивать ссору и ради кого – этого недоразумения? Ради сына она бы вырвала сердце мужа голыми руками, вцепилась бы ему в глотку и перегрызла ее зубами, выколола ему глаза... Но перед ней стояла девочка Стася, а не прекрасный сын Станислав, поэтому мать резко одернула дочь и строго приказала:

– Хватит реветь, от тебя уже голова болит! Если отец тебя наказал, значит, было за что.

В тот момент мир Стаси перевернулся: за какие-то несколько минут она пережила сразу два предательства самых близких ей людей. Сначала ее отверг отец, а потом и мать не встала на ее сторону, не защитила, не пришла на помощь. Ошарашенная Стася в ужасе уставилась на мать, но та лишь махнула рукой, мол, иди в свою комнату. И Стася ушла переживать свое несчастье в одиночестве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.